

ПАВЕЛ
АНТКОЛЬСКИЙ

ЖЕЛЕЗО
и
ОГОНЬ

ГОСЛИТИЗДАТ
1942

*Святой памяти моего сына
младшего лейтенанта
ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА
АНТОКОЛЬСКОГО*

СТРАНИЦА НОВОЙ ИСТОРИИ

В норвежских льдах, в ущельи Фермопил,
На верфях Гавра, в переулках Праги
Мир ненависть к стервятникам копил
И мщенье торопил. В крови и прахе
Под сапогом фельдфебельским дымилась
Вся Франция. Фашистский феодал,
Своей стране оказывая милость,
Ее крестами кладбищ награждал.
Пока война Европу сотрясала,
Он стаскивал в свою берлогу хлеб,
Железо, нефть, шелка, и шерсть, и сало, —
А все не полон был смердящий склеп.

Был разум обезглавлен. Гнев — убит.
Отчаянье в концлагерях скудело.
Вползла зараза мертвенная в быт.

А между тем в Европе то и дело
Прокатывался ропот. Там, внизу,
В глубокой шахте, в доке корабельном
Могильный сон был смешан с колыбельным,
И превращалась тишина — в грозу.

...Был ранний час, наверно, лучший в мире,
Начало жизни, песен и труда.

Младенцев кротких матери кормили.
Пылили по степным шляхам стада.
Шла в пионерском лагере зарядка.
Трава тянулась к свету. Дивный рост
Дремучих клубней пестовала грядка.
Пел песенку задумчивую дрозд.
Страна дышала в мирном изобильи,
В сверканьи жизни, песен и труда.

...В то утро раннее враги бомбили
Советские порты и города.
В то утро перешли рубеж их танки.
И там, на пограничном рубеже,
На мирном белорусском полуостанке
В то утро наша кровь лилась уже.
Столясь у репродукторов, молчали
Народы всех республик и краев.
И голос Молотова был суров,
И он звенел от гнева и печали.
И грозные откликнулись гудки.
И вся в поту, и в дыме, и в мазуте,
Страна вставала, сжавши кулаки.
Как много силы было в той минуте!
Умру ли завтра, проживу ли век,
В Москве, на фронте, на море, повсюду
Я, рядовой советский человек,
Священной той минуты не забуду.
Мы все, закинув головы, могли
Почувствовать, как, задрожав от гула,
Страницу медленно перевернула
История пылающей земли.
Две армии сошлись в ожесточенной,
Смертельной схватке. Началась война.

...В то утро раннее в Европе черной
Кайма зари едва была видна.
Храпел Берлин. В бреду металась Вена,
Закована в кольцо концлагерей.
И где-то в Гамбурге самозабвенно
Сирена выла: „Нас бомбят. Скорей!“

Но зарево, растущее с Востока,
Вершины Альп кровавило слегка.
Сквозь гул электроволн и мчанье тока
Казалось, что война недалеко.
Париж дышал осадами Бастилий.
В Брюсселе Уленшпигель бил в набат.
В Белграде песни русские гостили.
На Капри Горький подымал ребят.
Не зная, гаркнуть иль посторониться,
Шли оккупанты, убыстряя шаг.
Дышала бурей новая страница
Истории. И звон стоял в ушах.
На западе заря не закатилась,
В теченьи суток не настала ночь.
...И вот на нашем фронте прокатилось:
— Мы боремся, чтобы и вам помочь.

МОСКОВСКАЯ НОЧЬ

Еще раз враги попытались пробиться
Сквозь тучи на нашу родную Москву.
Проженная сволочь, берлинский убийца
Готовился к факельному торжеству.

Стервятники, жесткие перья топорща,
Крутились вьюном всю короткую ночь,
Несли нам огонь и погибель и порчу,
Но стража зениток швырнула их прочь.

Немало, немало их, клювы разинув,
Зарылось в росу подмосковной травы.
На миг полыхнули румынским бензином —
И вот они сломаны, сбиты, мертвы.

Вот он, неопасный уже и бескрылый,
Распавшийся в небе на сотню кусков,
Лежит на асфальте, дракон тупорылый.
Смотрите, товарищи, вот он каков!

Вот он, представитель зверей белокурых,
Кому вся Европа на милость сдалась,
Вчера он посасывал нагло окуроч,
Баварский иль прусский отчаянный «асс»;

Сегодня он в списках военных зачеркнут.
Рабито крыло, и полопался бак.
Вся вспыхнуло сразу и рухнуло к чорту.
Так будет с любой из фашистских собак.

И наши товарищи слушают повесть
О том, как зажали дракона в кольцо.
И к праведной битве, к победе готовясь,
Глядят они гадине мертвой в лицо.

ПОСЛАНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Медный Всадник над славной рекой,
Старый друг вдохновенья в России!
Встань на вахту с простертой рукой!
Ты России сулил непокой, —
Так победу опять принеси ей.

Ты летел сквозь года и века,
Медным топотом время наполнив.
И простертая к морю рука
Только крепла от штормов и молний.

В снежный Выборг в минувшем году
Ты сапером вошел, как когда-то.
Ты все тот же, врагам на беду, —
Рослый шкипер, моряк из Кронштадта.

Старый друг наших сказок и снов,
Медный Всадник, механик и зодчий!
Стеречи ленинградские ночи,
Береги своих верных сынов,
Сделай зорче их зоркие очи.

Чтобы ночью и в раннюю рань,
Когда солнцем туман не пропорот,

Никакая бы нечисть и дрянь
Не вползла в удивительный город.

И когда в небесах над Невой
Черный коршун со свастикой кружит,
Пусть прожектора сноп огневой
Эту птицу во мгле обнаружит.

Пусть зенитчик ударит во мглу,
Вырвет смерть из ночного простора
И к тебе принесет на скалу
Обожженное сердце мотора.

Чтобы крепко зенит заперла
Стая смелых в полете орлином,
Чтобы Кубок Большого Орла
В ту же ночь она пролила
Жгучей брагой над черным Берлином!

ПОСЛЕ АНТИФАШИСТСКОГО
МИТИНГА МОЛОДЕЖИ В МОСКВЕ
28 ОКТЯБРЯ 1941 г.

Юность мира! Людских поколений краса!
Ты услышала их голоса.
Каждый здесь говоривший — твой сверстник и друг.
Протяни же нам тысячу рук!
Юность мира! В траншеях, на вахтах морей,
За колючками концлагерей,
В партизанских отрядах в дремучих лесах,
У костров на ветру, на часах, —
Где бы ты ни была, — отзовись, прокричи
Свой пароль в европейской ночи!
Не отстань от своих, не таись по углам:
Вновь расколот весь мир пополам.

Полыхают фронты. Государства горят
Два погибельных года подряд.
Там, где трупы германских дивизий легли,
На полях нашей славной земли,
Там решаются судьбы на много веков
Всех народов и материков —
Судьбы школ, судьбы книг, не прочтенных тобой,
Поколение, идущее в бой!
Судьбы новых детей, не зачатых в любви,
Там решаются в муках, в крови.

Отзовись, отзовись, если хочешь помочь,
Сквозь глухую фашистскую ночь,
Сквозь ночной ураганный огонь батарей,
Отзовись — ради всех матерей,
Ради Родины, ради ее торжества,
Ради жизни, что будет жива
И воспрянет, и взглянет в открытую высь; —
Отзовись, отзовись, отзовись!

ПИСЬМА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

1

Сын. Комсомолец. Школьник. Человек.
Вступаешь ты в железный, грозный век,
Чтоб в малом деле быть его достойным.
Пришла пора последним, грозным войнам.
Нас расставанья долгие томят.
Ты призван был, и райвоенкомат
Послал тебя в далекий древний город.

Там край заката горного распорот
Зазубренными остриями скал.
Там в сказках отзвонил и отсверкал
Седой базар у голубой мечети.
Там учат смуглые худые дети
Арабской речи путанную вязь,
И ждет змея, незримой становясь,
Их резвых ног на выступах опасных.

А пред тобой — рожденье формул ясных
И музыка предельной быстроты.
Ты с мирозданьем говоришь на ты.

Курчавый мальчик с доброю улыбкой,
Как мне представить в путанице зыбкой
Тебя — в пилотке, с бритой головой?

Как услышать любимый голос твой
В открытой дали синего простора,
За визгом вьюг, за скрежетом мотора?

2

Не только сын, — товарищ мой по счастью,
По жизни, слишком рано начатой.
Вчера ты был моею кровной частью.
Сегодня стал единственной мечтой,
Единственной.

Ты поднят всем народом
Высоко, в грозные облака.
Мысль о тебе мне стала кислородом,
Хотя меж нами полматерика.

Лети. Будь смелым. Каждый лист газетный
Похож на встречу новую с тобой:
В прорывах туч, во мгле передраасветной,
В любом краю, в республике любой.

Будь жадным. Сколько стали не добыто,
Звезд не открыто, книг не прочтено!
Вся лихорадка лагерного быта
Пускай к тебе врывается в окно.

Будь зорким. Завтра кончатся все войны.
Они погаснут, как тифозный бред.
И снова мир — жилой, зеленый, хвойный —
Очнется, чей-то нежностью согрет.

Мы повстречались в мировом просторе,
В седой пурге, под проливным дождем.
И в молниях слепящих траекторий
Вновь друг от друга спешных писем ждем.

Ты мог бы стать художником. Но небу
Иною призван доблестью служить.
Лети. Будь счастлив. Если бы ты не был
Самим собою, — я не мог бы жить.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БАЛЛАДА

И когда в Констанце полыхнули
Черные цистерны нефтяные,
На Восток обратно повернули
Наши птицы, соколы стальные.
Лай зениток скоро их достигнул.
Но зарылись в тучи соколята.
Лишь один бомбардировщик вспыхнул
От зенитки вражеской проклятой.
Летчик и радист-стрелок и штурман
Рухнули со вспыхнувшею птицей
И друг с другом после ночи штурма
Так и не успели распротиться.
Поглотил их с головами сразу
Жадный зев пучины полуночной.

Только это не конец рассказа!
Бьются с морем, выгребают мощно.
Десять тысяч звезд глаза таращат
На того, кто из пучины выплыл.
Пусть ко дну комбинезоны тащат.
— Победим! — кричат друг другу хрипло.
И гремит волна береговая,
Платье пены в клочья разрывая.

В эту ночь крутило их немало.
Острой солью высушило глотку,
Злым ознобом плечи изломало.
Подняли из-под обломков лодку;
Нету шланга, чтоб надуть резину.
Ртами надувают. Нет дыханья.
Отдыхают, тяжело рты разинув,
В той румынской бухте, как в лохани.

Потянул зюйд-вест. Тут смелым людям
В руки шанс единственный дается:
— Будет парус, — родину добудем, —
— Победим! . .

И шибче сердце бьется.
И они комбинезоны взяли,
Распоролли рукава и брюки,
Треугольным парусом связали
И, как мачты, вытянули руки.
Удалось!

Крепчает свежий ветер.
Вздулся парус в сторону востока.
Только полдень нестерпимо светел.
Только руки затекли жестоко.
Всею грудью выдохнув усталость,
— Победим, — они друг другу шепчут.
— Сколько миль до родины осталось?
— Триста миль. —
И руки сжали крепче.

Тьма фосфоресцирует мыльном
Юных звезд, рождением вечной жизни
Вспыхни же в сознании воспаленном,
Молния! На полсекунды брызни,
Обмани хоть проблеском рассвета.

Но у моря, у пучины мудрой,
Никакой надежды нет. А где-то,
Между тем, уже летело утро . . .

Странный звук! Откуда он? Откуда,
Вне вниманья их и пониманья,
Слышится возникновенье гуда,
Еле различимого в тумане?
Сколько миль до берега родного?
Может быть, и вправду недалеко?
И привстал один из них, и снова
Слышит: ровный отдаленный клеток, —
Там, в пучине синего простора,
Ровный клеток нашего мотора.

Через полчаса явились трое —
В Севастополь, на родную базу.
Так их утро встретило второе.
Но и это не конец рассказа!
Ночь пришла, и в ту же ночь обратно
Вылетели трое, как и прежде:
Бить врага в его берлоге смрадной,
Жечь нефтехранилища в Пловшти.
Победим! Работай без отказа,
Пой, мотор, и отдыха не ведай.

Но и это не конец рассказа!
Пусть же он допишется победой.

БАЛЛАДА О ПАРНЕ
ИЗ ГИТЛЕРОВСКОЙ ДИВИЗИИ
„ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ“

Парня выбрали по росту между сотен низколобых,
На год заперли в казарму, сны проверили в мозгу.
Ровно год скучал и ждал он, с разной сволочьё бок о бок,
Не писал домой открыток, и оттуда ни гу-гу.

Силу парня разьедала тошнотворной скуки язва.
Рядом с ним, как волки в клетке, терлась тысяча парней.
Был „Германией Великой“ этот полк отборный назван,
Чтобы дух закалки бравой укрепить в парнях верней.

День пришел. Парней обрили. Куртки вспырнули карболкой.
Проглотили их вагоны, целый полк — в один глоток.
Трое суток было слышно, как в дороге скучной, долгой
Перестукивали стыки: на Восток, Восток, Восток . . .

Парень вышел из вагона в три часа утра. Светало.
Небо медленно бледнело над морями спелой ржи.
Непрспавшемуся парню почему-то страшно стало.
Он спросил соседа тихо:—Чья же тут земля? — скажи.

Тот ответил:

— Здесь Россия. Здесь прошли дожди косые.

Видишь: вот следы босые детских ног в траве сырой.
Ты сюда пришел, чтоб драться.
— Надо в этом разобраться. —
Так промолвил первый парень. И тогда вздохнул второй.

И пошли, прижавшись, парни по лугам и перелескам,
По корягам и болотам шли, пока не рассвело.
Глотки им сушила жажда, очи им слепило блеском,
Плечи им, спросонок что ли, зябкой свежестью свело.

— Разобраться, говоришь ты? Будешь ты расстрелян трижды
За такие речи, парень. Разобраться! Чорта с два.
Мы всего не знаем сами, но за полем, за лесами
Будет отдых и добыча: город есть такой — Москва.

Так болтают по дороге парни, сделанные грубо
Из костей, дубленой кожи, крови, фосфора, белков.
Понимают эти парни, что любой из них — обрубок
Среди множества обрубков в самом рослом из полков.

— Как же нам в Москву пробраться?
— Надо очень долго драться.
— Это дело! Рад стараться. К драке с детства я привык.
С детства мне приятен очень молодецкий звук пощечин.
Я в ударе вол и точен, как спортсмен и штурмовик.

И когда в глаза сверкнуло, и свернуло парню шею,
И швырнуло наземь грузно, и лежал он в спелой ржи,
И над ним сияло небо, беспощадно хорошея, —
Он спросил у неба тихо:
— Как же это так? — скажи.

— В этом надо разобраться, — отвечало парню небо, —
Не пришлось тебе подрасться. Продал ты себя за грош.
Сын Тюрингии иль Граца, может, ты на свете не был:
Не твои леса и реки, не твоя созрела рожь.

— Через год придут ребята, пыльный череп твой подымут
И твою могилу примут за некошенный овраг.
Крепко спи, германский парень, скован стужей, ливнем вымыт.
Здесь у нас хороший климат: не проснется мертвый враг.

БАЛЛАДА
О НЕОТПРАВЛЕННОМ ПИСЬМЕ

Он писал:

Дорогая жена. Я пропал
В этой чертовой страшной войне.
Ровно месяц не мылся, неделю не спал,
Дорогая, молись обо мне.

Он писал:

Посылаю в подарок браслет
И кавказский каракуль седой.
На каракуле крови запекшейся след.
Надо смыть эту гадость водой.

„Надо смыть“ подчеркнул. И потом:

Впереди

Еще русская злая зима.

Полученье подарков моих подтверди.

До свиданья...

И не кончил письма.

Где-то ухнуло грозно, и рухнул настил.

Вот лежит он, еще не остыл.

Он не долго на нашей земле прогостил.

И письмо не отправлено в тыл.

Ни браслет золотой, ни каракуль седой
Не дошли до вдовы молодой.
Нашей крови не смыть никакою водой —
Ни дунайской, ни рейнской водой.

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИКЕ, ОСТАВШЕМСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ

В ту ночь их части штурмовые вошли в советский город Б.
И там прокаркали впервые „хайль Гитлер“ в стихнувшей стрельбе.
Входили вражеские части, плечо к плечу, ружье к ружью.
Спешила рвань к чужому счастью, к чужому хлебу и жилью.
Они прошли по грязи грузно, за манекеном манекен.
А этот мальчик был не узнан, не заподозрен был никем:
Веселый мальчик в серой кепке. Его приметы: смуглый, крепкий.
Не знает кто-нибудь из вас, погиб ли он, где он сейчас?

Подкрался утром он к квартире и видит: дверь не заперта.
И сразу тихо стало в мире, сплошная сразу пустота.
Мать и сестра лежали рядом. Их немец за ноги волок.
Смотрела мать стеклянным взглядом в потрескавшийся потолок.
Они лежали, будто бревна — две женщины, сестра и мать.
И он стоял, дыша перовнио, и разучался понимать.
Потом он разучился плакать и зубы сжал, но весь дрожал.
И той же ночью в дождь и слякоть куда-то за город бежал.
Без хлеба, в майке, в серой кепке. Его приметы: смуглый, крепкий.
Из вас не знает кто-нибудь, куда он мог направить путь?

Он знал одно: разбито детство, сломалось детство пополам.
И шел, не смея оглядеться, по страшным вражеским тылам,
По тихим, вымершим колхозам, где пахло смертью и навозом,
По речкам, тронутым морозом, и по некошенным полям.

Он находил везде дорогу, и шел вперед, и шел вперед.
И осень с ним шагала в ногу и возмужала в свой черед.
Она, как сказка, шла с ним рядом, чтобы его следы замести,
Смотрела вдаль стекляннным взглядом, неотвратимая, как месть.
Так шел он, в майке, в серой кепке. Его приметы: смуглый, крепкий.
Из вас не знает кто-нибудь, куда он мог направить путь?

Когда фашисты покидали пустой, сожженный город Б.,
Уже за мглистой снежной далью расплата слышалась в пальбе.
И мальчик раньше всех, как надо, вернулся в город свой родной.
Вернулся он домой с гранатой. Он ей доверился одной.
Он был фашистами не узнан, не заподозрен был никем.
Следил он, как по снегу грузно, за манекеном манекен,
Уходят вражеские части, ползет по швам железный ад:
Видать, не впрок чужое счастье, не легок будет путь назад.
Их тягачи, и мотоциклы, и танки ржавые хрипя
Ползли назад. В нем все затихло. Он ждал, минуто торопя.
А тягачи неумоимо спасали, что могли спасти.
Но он не взвел гранаты. Мимо! Не в этих. Надо цель найти.

Он всматривался, твердо зная в лицо мишень свою: SS.
Где же машина та штабная, что мчится всем наперерез?
Всегда сверкающая лаком, кривым отмеченная знаком,
С гудком певучим, с полным баком, франтиха фронта, „Мерседес“?
Она прошла крутым виражем, кренясь и шинами визжа, —
Машина та с начальством вражьем, опухшим, словно с кутежа.
И мальчик подбежал и с ходу гранату в стекла им швырнул.
И, выравшийся на свободу, огонь из стекол полыхнул.
Два офицера с генералом, краса полка, штурмовики,
Шарахнулись в квадрате алом, разорванные на куски.
А что же мальчик в серой кепке? Его приметы: смуглый, крепкий.
Не знает кто-нибудь из вас, погиб ли он, где он сейчас?

Не знаю, был ли мальчик взорван. Молчит о нем кровавый снег.
Ребят на белом свете прорва — не перечесть, не вспомнишь всех.

Но сказка о ребенке смелом шла по тылам и по фронтам;
Написанная наспех, мелом, вдруг возникала тут и там.
Пусть объяснит она сама нам, как он остался безымянным.
За дымом фронта, за туманом шла сказка по его следам.
Пятнадцать лет ему иль десять, иль, может, меньше десяти?
Его фашистам не повесить, не опознать и не найти.
То к партизанам он пристанет, то ночью, рельсы развинтив,
С пургой в два голоса затянет ее пронзительный мотив.
Он возмужает понемногу, дорогу к фронту разберет.
А сказка с ним шагает в бою и возмужает в свой черед.
Она идет все время рядом, поет, и в землю бьет прикладом,
И смотрит вдаль недетским взглядом, и гонит мстителя вперед.

РУССКАЯ СКАЗКА

Три брата, три сверстника жизни:
Железо, Огонь и Мороз.
Кто с ними сроднился и рос,
Прославится в нашей отчизне.

Железо, ни много ни мало,
Столетия дремало, пока
Святая людская рука
Темницу его не сломала.

И стало Железо мечом,
Свистящим с размаха и мстящим,
И соколом, в небе летящим.
А пламя — ему нипочем.

Огонь полыханием молний
В лесные ударил стволы
И дебри полуночной мглы
Пирами пожаров наполнил.

Он заперт надежным ключом,
И пломбы висят на запорах,
Чтоб свято хранил его порох.
А стужа — ему нипочем.

Мороз, обрывая дыханье,
Посвистывал, тряс бородой,
И смолоду злился, седой —
При викингах, при Чингизхане.

И вот он зардел кумачом
На лицах бойцов наших славных
И шутит, как равный меж равных.
Железо — ему нипочем.

Три сверстника жизни, три брата:
Железо, Мороз и Огонь.
Встречай их ладонью в ладонь,
И будешь прославлен трикраты.

Но трижды и трижды славней
Хозяин по силе и праву,
Кто вышколит эту ораву
Металлов и вьюг и огней.

Он снайпер, танкист или химик,
Татарин или великоросс,
Но с ними сроднился и рос,
С приятелями неплохими.

И, полчища вражьи гоня
С завьюженных горьких пожарищ,
Пойдет он вперед, как товарищ
Железа — Мороза — Огня.

Да здравствует добрая сила
Во всю ее ширь и длину,
Что немцев на Чуди косила
И половцев жгла на Дону!

Огнем и Железом и Стужей
Должны мы сегодня сберечь
Все ту же Россию, все ту же
От сердца гремящую речь.

ВОЛЧИЙ ВАЛЬС

Гёббельс рекомендует фронту
слушать легкую музыку.

(Из швет.)

Музыки легкой им захотелось.
Вышел танцмейстер — и онемел.
А между тем уже все завертелось.
Лица пляшущим выбелил мел.

Рихард ли Штраус вихрем пронесся,
Грянул по клавишам белым в степи:
— Спи, фольксгеноссе!
— Спи, фольксгеноссе!
Вместо пароля — шелест в цепи:
— Спи — Спи — Спи...

Больше не мчатся по полю тени.
Каждый — лысую обнял каргу.
Сколько дивизий, стихнув в смятеньи,
Спят на снегу — и ни гу-гу.

А на бывалый окрик „ферботен“
Воет железо машинных утроб.
Ход механизмов вдрызг отработан.
Танки мордами врылись в сугроб, —
В гроб — в гроб — в гроб.

Выкинув судорожное коленце,
Хлопьями сумрака весь занесен,
Мертвый лопочет:
Эйн-цвей-дрей... эйн-цвей...
И с головой зарывается в сон.

Дальше проносится русская вьюга —
Добрая сказка, добрая весть.
Все подмела с полуночи до юга.
В голосе вьюги только и есть:
— Мечь! Мечь! Мечь!

Каким тебе золотом дадено
За глупые радиобредни?
Прощайся, берлинская гадина,
С надеждой твоею последней,

С фокстротами и чарльстонами,
С уютом и грязью притона.
Услышь за громами стотонными
Лишь правду солдатского стона.

Услышь в этой ночи обугленной
Не песню, летящую птицей,
А крик молодежи загубленной
Да клятву — за все расплатиться.

Кривляйся же, сколь тебе дадено,
И лязгай, и тренькай, и тинькай.
Прощайся, берлинская гадина,
С последней запетой пластинкой!

ЖАН-РИШАР БЛОК В КАЗАНИ

Он посмотрел горячими глазами
На рыхлый снег, на деревянный дом,
На комья туч свисающих — и замер
И выговорил „каррашо“ с трудом.

Как много дела впереди осталось!
Общительный, насмешливый смельчак,
Он знал, что это все-таки не старость
И не последний все-таки очаг.

Еще он знал, что в окнах нету ваты,
Что тускловато светит керосин,
Что тянет вонюю ветхой, гниловатой
Со дна дворов, из выгребных трясин.

В таком тылу, за столько верст от бури,
От яростной работы фронтовой...
И все-таки, грустя и каламбуря,
Чужой земле он повторял:
— Я твой!

— Я твой — в госпиталях и у танкистов,
— Я твой — на всех вокзалах... и, как спот
Зенитного прожектора, неистов,
Бил юношеской радости озноб.

Антифашист, гонимый черной сворой,
Исколесил он материк вчера.
Что ж! Может быть, еще не очень скоро
Светлы в Европе будут вечера.

Ему хватало зренья и знанья
На много дней, на много верст вперед.
Изгнанье? — Нет, не может быть изгнанья.
Париж? — Наступит и ему черед.

Здесь если долго всматриваться — вот он,
Любимый камень вымерших громад,
Где встал с картавым окриком „ферботен“
Прямой, как палка, наглый автомат.

Ведь если долго вслушиваться — тут же
Возникнет песня Франции родной,
И он согрелся в нашей снежной стуже.
Он ей поверил. Только ей одной.

СОЧЕЛЬНИК В БЕРЛИНЕ

В ту полночь, наверно,
Берлинский главарь
Приветствовал нервно
Военный январь.
Дельцы в Роттердаме,
Мерзавцы в Виши
Виляли задами
В унынии кисленьком.
Он был озабочен
Не ими, не Квислингом,
Но сумрачен очень
В глубинах души.

В жилетном кармане
Часы его тикали,
Что завтра Германия
Будет без никеля,
Что плохо с горючим,
Что окорока
В колбасных по крючьям
Давно не свисали,
Что надо терзаться
О яйцах и сале,
Что сладость эрзаца
Совсем не сладка.

Спят мертвые. В Ливии,
Под Ленинградом
Лежат, терпеливые,
Друг с другом рядом.
В Калуге и в Керчи
В лесах, по морям
Взвиваются в смерче,
Прносятся по снегу . . .
Иль все это снится
Берлинскому постнику?
А вдруг вереница их
Встанет и впрямь?

Все тихо. Так тихо,
Что можно повеситься.
Вдруг ведьма-франтиха,
Любовница месяца, —
Откуда-то с Брокена,
С Лысой Горы —
Явилась не впрок она
К фюреру прямо
И шепчет:
— Не имут
Покойники срама,
Но портится климат
У вашей игры.

Все тихо. Так тихо,
Что меркнет рассудок.
Лишь ведьма-шутиха
Не кончила шуток:
— Хайль Гитлер! Вы хаяли
Промысел мой?

Уж я не лихая ли
Ваша попутчица?
Уж мне ли с убийцей
Таковским соскучиться?
В меня ль не влюбиться
До смерти самой?

— Я ведьма, и к вашим
Услугам готова.
Так спляшем, так спляшем
Гопак у Ростова,
Чардаш или польку
Иль джигу могу . . .
Хотите? но только
В снегу по колено.
Не в бомбоубежище,
А во вселенной,
В калечащей, режущей —
Там. На снегу.

МЫ ЗНАЕМ ИХ!

Мы знали их во все века борьбы,
Ливонских псов и торгашей Ганзей.
Мы принесли их кости и гербы,
Их панцыри и крейцеры в музеи.

Они скупали нашу кровь, наш пот.
Они кричали, что один лишь славен
На белом свете — белый стан господ,
И написали в книгах: „Slaven — Sclaven“.

Они вползали к нам, вясь ужом,
Вопя, что мир им на потребу создан,
И, лакомясь на пиршестве чужом,
Свой аппетит называли „Drang nach Osten“.

Мы знаем их под сотнями личин:
Начетчиков, поганивших науку,
Тупых служак, урвавших царский чин,
Пройдох, набивших в мокром деле руку.

Чужая жизнь была для них, как торф.
Куда ни глянь во мглу былых столетий —
Крал Бирон, крал и грабил Бенкендорф
Под мокрый свист шпидрутена и плети.

Они клялись в любви, ища родства,
Но обнажалась волчья их утроба!
Но их слезам не верила Москва!
Напомним здесь хотя бы Риббентропа.

Мы знаем их в лицо, по именам.
Вот вся лихая шатия, как в раме!
Вот почему сегодня ясно нам,
Что их конец — уже не за горами.

Вот почему, так бешено борясь
За каждый дюйм сжигаемых просторов,
Они лишь глубже увязают в грязь
Всей грузной сталью сломанных моторов.

МОСКВА!

Любимая! Еще раз: с Новым годом!
Бывало, вопреки всем непогодам,
Едва взмахнешь ты рукавом —
И пляс пошел, и песням нет конца там . . .
Так было и в двадцатом и в тридцатом,
И год назад, в сороковом.

Ты шла, как буря, сменой поколений,
Не зная лжи, отчаянья и лени,
В колокола времен звоня;
Сгорев до тла, опять слагала песни,
Не сгнула на баррикадах Пресни
И хорошела от огня.

И вот враги подкрались издали,
Чтоб онемечить, насмерть искалечив,
Твое прекрасное лицо.
И тыкались их волчьи морды в пене,
И ласкали клыками в нетерпеньи,
Сдвигаясь в тесное кольцо.

Ты снилась им, Красавица! Но стужа
Охватывала фланги их все туже
Во всю стоверстную длину.

И выйдя в правый бой, ты разметала
Обломки вражьих тел, куски металла
В Волоколамске и в Клину.

Сверкала ночь в мохнатых крупных звездах.
Крепчал мороз. Ясенел прозрачный воздух.
Заиндевели провода.
И, час победы к Родине приблизив,
Подкову волчьих вражеских дивизий
Ты разогнула навсегда.

Такой тебя запомню навсегда я:
Прифронтовая, грозная, седая,
Завьюженная до бровей.
Идут колонны танков. Это значит,
Что Новый год по-праздничному начат
В железной кузнице твоей.

31 декабря 1941 г.

МЩЕНЫЕ

Этот мальчик, упавший ничком,
Чудом спасшийся, в саже и глине,
Ставший за ночь одну старичком,
Дотащился под утро ползком
Вплоть до наших завьюженных линий.

Рассказал он, как старшей сестре
Страшный гость угрожал автоматом,
Как лежала она на дворе
Вся заиндевав, вся в серебре,
С голой грудью, с подолом измятым.

Рассказал он, как мать увела
На ночь в погреб меньшую сестренку,
И как гость, запалив полсела,
Раскроил без причины со зла
Ее светленькую головенку.

Рассказал он, как вспыхнул их дом,
Как, ловя в невозможном мученьи
Зимний воздух обугленным ртом,
Умерла его мать, и о том,
Как она умоляла о мщеньи.

Рассказал он еще, как вѣли
Всех прикладами в поле, и прежде
Чем иные услышали „пли“, —
Уже сыпались комья земли:
— Эта ваша земля, ну и ешьте.

И бойцы, услыхавши рассказ,
Каменели душой воспаленной.
И едва был им отдан приказ,
Ворвались к полуночи как раз
В этот маленький пункт населенный.

В то же утро на карте штабной
Он отмечен был красным колечком.
Стыли в страшной красе ледяной
Только печи, стена за стеной,
Только пепел по черным крылечкам.

Ни один не ушел из гостей!
Не спасли амбразуры и доты.
Широка снеговая постель,
И метет — заметает метель
Лом железный германской работы.

Мщенье, мщенье! Ты жарче огня,
Слаще будущей встречи с любимой.
Вырастаешь ты день ото дня,
Мчишься, полчища вражьи гоня,
Неподкупно и неколебимо.

Мщенье, мщенье! Ты так разлито
В грозном воздухе бури военной,
Так оправдано, так поднято,
Что тебя не избегнет никто.
Ну так будь же ты благословенно!

ГЕРМАНИЯ

Широк наш фронт, неслышанно широк.
Не хватит легких крыл воображенья,
Чтобы обнять размах его дорог.
Но всюду, где идут сейчас сраженья,
Ты трупы их замерзшие найдешь.
Они лежат ничком, согнув колени.
То страшного народа поколенья,
Краса германской крови, молодежь.

Народ. Когда-то был он славной частью
Великой человеческой семьи.
Чем смерить глубину его несчастья,
Его отверженности меж людьми?
Когда-то был он чист, бессмертен, молод.
Звенел по наковальне тяжкий молот.
Веретено жужжало, словно шмель.
Курчавился в отцовской кружке хмель,
Как вдохновенье Себастьяна Баха.
И Фауст по вселенной колесил
Так вольно, так без усталости и страха,
Что на сто лет хватило б этих сил.

Мы помним, как в притонах, в звоне джазов
Подземный ключ инфляции вскормил

Ораву педерастов и громил,
На лицах их зловеющий грим размазав.
И в Спорт-паласе под свистки и вой,
Вертлявый, щуплый, наглый человек,
Баварский писарь, прусский контрразведчик
Уже готовил номер боевой.
По части мокрых дел он был не промах.
И года два на месте протопчась,
Пошел ва-банк на ста аэродромах,
Чтоб обогнать Европу хоть на час.

Война! На дне его мыслишек злобных
Гнездилась греза злейшая стократ.
Дымили жерла дул слоноподобных.
Шли танки по цементу автострад.
Война, война! Еще не пал Мадрид.
А где-то в буре завтрашней, недальней
Уже летел дракон войны тотальной,
Париж и Прага плакали навзрыд.

Так вот зачем не кончил Вертер жизни
И сто раз жить творец его хотел,
Чтоб этот шпик без чести, без отчизны
Плясал на свалке юношеских тел.
Так вот зачем ребята Карла Мора
Шли на тиранов, шли на штурм веков, —
Чтоб этот шут завел штурмовиков
По своему подобию... Вот умора!

Германия! Всех скрипок голоса,
Всей шиллеровской молодости буря,
Всей просветленной готики леса, —
Все было передернуто в сумбуре.
Все золото певучих Лорелей,

Все волны Рейна, все, чем ты гордилась,
Для производства мертвых пригодилось
И в ход пошло, — погуще только лей.

С тех пор прошли не месяцы и годы
В огне фугасных и термитных бомб.
Прошло тысячелетье непогоды,
Забывшее о небе голубом.
И год настал, и год еще не прожит,
Когда любовь и жалость истребя,
Неслыханная битва подытожит
Решенье, роковое для тебя.
Пока вопила северная вьюга,
Пока гудел от Севера до Юга,
От Балтики до Черноморья шквал,
Пока он в океанах бушевал,
Стремился к Бирме, угрожал в Китае
Трехсотмиллионной храброй голытьбе,
Лохмотья пены по свету кидая, —
В какой-нибудь нетопленной избе,
В колхозе, не отмеченном на карте,
Вчера, сегодня, в Январе иль в Марте,
Приснилась смерть, Германия, тебе.

Когда мои товарищи вчера
Входили в пункт недавно населенный,
Который стал землей испепеленной,
И песней их встречала детвора,
Когда на перекрестке черных улиц
Три призрака, три оборванца, три
Фашиста с автоматами рванулись:
— Gib uns dein Brod! Дай хлеба иль умри!

Что это было? —
Гибель человечья!
Не только кровь, и пламя, и свинец,
А сквозь свинец, и пламя, и увечья,
Твой роковой, Германия, конец.

На облаках, в столбах огня сплошного,
На южном море, в северном краю,
В снегах, в провалах сумрака лесного,
Мы боремся и победим в бою!
Тогда народ германский вспомнит снова
И молодость и музыку свою.

ОТ ПУНКТА ЭН НА ЗАПАД

Зори в тучах, овраги косые,
В шапках синего снега леса.
Вот она, — наша слава, Россия,
Наша молодость, наша краса.

А метель заметает в лощинах
Безымянных могил горбыли,
То зальется в слезах беспричинных,
То пригнется до самой земли.

Вот прошли пятитонки и танки,
Тягачи проползли скрежеща.
Вот в поселке и на полустанке
Бродят жители, крова ища.

Много дней не найти им ночлега,
И озябших не выпрямит плеч,
На кроватях, торчащих из снега,
Ни баюкать детей, ни прилечь.

Что же это случилось? Откуда
Печи в рылом снегу, как столбы,
Да железа германского груды
За обугленным срубом избы?

Это фронт. Ни далек он ни близок.
Но как ранней весны торжество
В песне вьюги, в шальных ее визгах
Замирающий грохот его.

И зенитка ли бахнет внезапно,
Иль прожектор рванет горизонт, —
Он уходит все дальше на запад,
Наш карающий западный фронт.

И в вираже крутом нарастая,
Вся блистая к утру серебром,
Возвращается славная стая
На завьюженный аэродром.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Страница новой истории	3
Московская ночь	6
Послание в Ленинград	8
После антифашистского митинга молодежи	10
Письма в Среднюю Азию	12
Черноморская баллада	15
Баллада о парне из гитлеровской дивизии „Великая Германия“	18
Баллада о неотправленном письме	21
Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным	23
Русская сказка	26
Волчий вальс	29
Жан-Ришар Блок в Казани	31
Сочельник в Берлине	33
Мы знаем их!	36
Москва!	38
Мценье	40
Германия	42
От пункта Эп на Запад	46

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 11/VI 1942 г. А50275.
Тираж 10 000 экз. 1¹/₂ печ. л. 1,5 уч.-авт. л.
Зак. № 2449. Цена 1 р. 75 к.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста
„Полиграфкинига“. Москва, Валовая, 28.

---

1 р. 75 к.